18+

Евгений
Крашенинников

Харрасмент квадроберов, или Вопросы реальной педагогики

Евгений Крашенинников

Харрасмент квадроберов, или Вопросы реальной педагогики

«Издательские решения»

Крашенинников Е.

Харрасмент квадроберов, или Вопросы реальной педагогики / Е. Крашенинников — «Издательские решения»,

В книге собраны интервью о педагогике и психологии, опубликованные за последние годы для совместного размышления с читателем.

© Крашенинников Е.
© Издательские решения

Содержание

ХАРРАСМЕНТ КВАДРОБЕРОВ 6
Как я стал преподавателем 8
ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ 11
Кто такие квадроберы, и стоит ли родителям беспокоиться 11
Трудный подросток — как родителям из врагов превратиться в друзей 18
Как родители влияют на развитие маленького ребёнка 23
Развод — как об этом сказать детям 29
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Харрасмент квадроберов, или Вопросы реальной педагогики

Евгений Крашенинников

© Евгений Крашенинников, 2026

ISBN 978-5-0071-7077-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ХАРРАСМЕНТ КВАДРОБЕРОВ
или Вопросы реальной педагогики

Недавно один хороший читатель, ознакомившись с книжкой «Любовь к педагогике», заметил, что надо бы после статей ставить год написания, потому что иначе многие тексты — те же размышления о ЕГЭ — смотрятся странно: ведь ныне проблема давно ушла.

Согласиться с этим я не могу (сегодня 12 октября 2026-го года). И хотя митинги с плакатами «Долой ЕГЭ» ушли в прошлое, но масса людей: родителей, политиков и, что самое важное, педагогов — продолжают говорить в устных беседах и писать в текстах про то, как ухудшилось образование не просто после введения ЕГЭ, но именно вследствие его реализации; и термин «поколение ЕГЭ» обозначает в интернет-пространстве ряды безграмотных двоечников и плоскоземельцев. При этом ругающие часто не обращают внимание на то, что «-тся» и «-ться» в их собственных эмоциональных спичах расставлены произвольно, хотя аттестат о среднем образовании они получали задолго до 2008-го года.

Никакая тема не исчезает из процесса осмысления педагогической реальности. И статья Ушинского о педагогической литературе, и возражения ему от Льва Толстого всё так же актуальны, хотя нет уже ни Крапивенского уезда, ни тех типов школ, статистикой изучения которых укреплял свои утверждения автор «Крейцеровой сонаты». (Для «поколения ЕГЭ»: речь не о скрипаче и композиторе Крейцере. Для всех остальных поколений комментарий тот же). И от того, что классно-урочной системе скоро исполнится четыреста лет, обсуждение её достоинств, перспектив и ограничений не перестало быть темой современного педагогического размышления. И известный афинский учитель, заслуживший от сограждан за свою реальную педагогику только чашу с нездоровым питием, не перестаёт до сегодняшнего дня предлагать нам новый метод учительства, которому две с половиной тысячи лет.

Значит ли это, что педагогика будет вечно решать те же самые нерешаемые проблемы? Нет, педагогика будет вечно решать те же самые решаемые проблемы.

Потому что если мы работаем с людьми, мы должны точно знать, что действительно приносим им пользу, а не «кажется, от этого будет польза», «у каждого по-разному: кому-то, может, и навредит», «будем делать, а там посмотрим, что получится», «у каждого своё мнение, так что делаем хоть что-нибудь» и т. п. И ответ мы должны дать конкретный — здесь и сейчас.

Хороший читатель, о котором я упомянул выше, отметил, что в книжке «Любовь к педагогике» вопросов много, а ответы не просматриваются. Ну, я-то думал, что ответов там полно. Но дело в том, что нельзя ответ на свой вопрос просто получить от другого; ведь существует возможность, что после другого придёт третий и скажет, что надо делать всё наоборот — и как быть тогда? Ответ нужно давать самому. Но при этом не свой, а объективный: после размышления над противоположными вариантами возможных решений.

Мой извилистый путь психологического погружения в проблемы образования сможет оказаться полезным лишь тогда, когда рядом пролягут не менее извилистые дорожки с вопросами, ответами, разочарованиями, открытиями, прозрениями, возмущениями, узнаваниями читателей этой книжки, в которой есть некоторые ответы на животрепещущие для интервьюеров и публики вопросы. Но, как я уже сказал выше, всё то, что трепещет живо, трепещет долго.

…

В книжке собраны опубликованные в разных изданиях интервью, которые я регулярно давал предпоследние годы.

В первую очередь, Марине Юдиной для интернет-портала «Глаголъ»: они помещены в первом разделе единым блоком, так как я, отвечая на вопросы, не оставлял надежду, что существовал тот читатель, который знакомился со всеми текстами, не пропуская, а значит, и учитывал то, что было написано ранее.

Но и для других ресурсов тоже приходилось давать интервью: иногда в виде развёрнутой беседы, как с Мариной Аромштам для портала Папмамбук или с Марией Крашенинниковой-Хайт для сайта образовательной структуры «Среда обучения» Московского института психоанализа, а иногда просто комментируя какую-то одну проблему. Так как бывало, что вопросы присылались от имени самого ресурса и теперь найти их непосредственных авторов затруднительно, то чтобы не нарушить авторские права неведомых мне корреспондентов, формулировки вопросов будут в книжке пересказаны мною своими словами.

К сожалению, здесь не будет серии двенадцатиминутных экспресс-разговоров на разнообразнейшие психологические темы с Алексеем Гвоздевым на «Радио Россия» в программе «Отцы и дети» и бесед о детском чтении с Анной Годинер на «Радио Мария» в программе «Библейский фонарик», а также цикла программ о психологии, записанных на этой же радиостанции под названием «Человек разумный». Но всё можно слушать, хоть и не в прямом эфире, но во вполне неискривлённом в интернет-записи.

А ещё в книжке есть и целостные статьи, написанные чуть строже по форме изложения, и отклики на книги по психологии и педагогике. В этих текстах вопросы перед собой я ставил уже сам.

Как я стал преподавателем

Ну, для начала: я всегда знал, что буду преподавателем в институте. Не знал, чтó буду преподавать, но знал, что буду. Как-то в семье такое сложилось предопределение. И это вполне соответствовало моим представлениям о прекрасном. А потом волею судеб я, отучившийся до этого год на факультете русского языка и литературы Магаданского пединститута, попал в Москву — сразу на второй курс факультета педагогики и психологии. И тут возникло два впечатления.

Первое: я перестал быть лучшим учеником и лучшим студентом. Здесь все были лучшие. Я видел, как преподаватель спрашивает мою одногруппницу (любую) на семинаре, и я точно знал, что она не готовилась ни секунды — мы же из одного общежития. И вот она встаёт, делает паузу в секунду и начинает внятно, чётко что-то рассказывать — и не нелепое, а умное, оригинальное и талантливое.

Второе: я понял, что я ничего не понимаю. Не «не знаю того, что сокурсники изучили на первом курсе», а именно: не понимаю. Я записывал слово в слово всё, что говорилось на лекции и не мог ничего понять. И речь не о том, что в слове «бихевиоризм» я допустил четыре ошибки; и что требовал в библиотеке рекомендованную преподавателем книжку про теории личности, у которой было три автора: Блюм, Вульфов и Зейгарник, — а книжку авторства одной Зейгарник брать отказывался, так как о такой не говорилось… Речь о другом: если бы даже я всё предлагаемое выучил наизусть, я бы мог, рассказывая, любое слово поменять с любым. И не смог бы продолжить ни одного предложения новыми словами, своими.

Потом я понял, чего именно мне не хватало, чтобы изучаемое содержание начало жить во мне: не хватало ответа на вопрос «зачем?» — а зачем вот это конкретное знание о том, что бывают ощущения интероцептивные, экстероцептивные и проприоцептивными, а такой-то сменил парадигму с «деятельность — сознание — личность» на «личность — деятельность — коллектив», — зачем это нужно кому бы то ни было? При этом вопрос «зачем?» был не о практическом применении отвлечённого знания — ни в коем случае! — это был просто вопрос о смысле — о любом смысле. И то не был риторический вопрос; на него необходимо было найти ответ. Но иногда казалось, что ответ был бы: а ни за чем.

И я ставил на полях лекционных конспектов значок «И. Ш.» и вечером поднимался со своего пятого этажа на восьмой, в комнату одногруппника и друга Игоря Шияна, который вернулся после армии на мой второй курс, и задавал ему все свои вопросы, а он терпеливо разжёвывал и доосмысливал мне премудрости психологической науки. (Надеюсь, если Игорь Богданович Шиян напишет собственные воспоминания «Как я стал преподавателем», то и эти мастер-классы и индивидуальные консультации в комнате общежития на Юго-Западе войдут в них как важный и для него самого опыт).

А потом сразу по окончании вуза у меня быстро случились три преподавательских опыта. Мне исполнилось, правда, уже 24 года, я был уже и после вуза и после армии.

Первый опыт: преподавание на дошфаке педвуза. Я должен был вести семинары по предмету, в котором я был не столь уверен. Мало того: Николай Евгеньевич Веракса, за которым я семинары и вёл, начал спецкурс по книгам Выготского, а я на тот момент знал их достаточно поверхностно. Но тут повезло: именно в это время Николай Евгеньевич однажды пришёл и сказал, что, пока ехал в метро, придумал новую систему обучения — позиционное обучение. Это была форма совместного порождения студентами и преподавателями на семинаре сложного знания и понимания. И я вдруг увидел, что в развивающей образовательной системе преподаватель может не быть гуру, он может быть равен ученику, может вместе с ним искать ответы — даже такие, которые сам не знал до начала обсуждения. И эффект получается потрясающий — для студентов, в первую очередь.

Опыт второй: нам на кафедру привели группу безработных инженеров, которых нужно было сделать профессиональными психологами месяцев, что ли, за пять. Николай Евгеньевич предложил выбрать нам, начинающим ассистентам: Игорю Шияну, Лене Самсоновой, Люде Вержиковской, мне — предметы, которые мы будем преподавать. Я стеснительно ждал, когда всё разберут, и получил оставшееся — историю психологии. И мне пришлось за ту осень прочитать (к счастью, уже изданные на русском и продаваемые в книжных магазинах) ключевые книги Фрейда, Юнга, Адлера, Эриксона, Вертгеймера и т. п. И они мне все очень нравились, я балдел просто. Но читая следующего и следующего, я понимал, что они же противоречат друг другу! Они отрицают друг друга! А как же преподавать студентам? Что я сам думаю про них? Кроме того, я хорошо помнил свой студенческий опыт — тот самый опыт абсолютного непонимания. А тут же вообще инженеры. Я всё время представлял, что вот говорю, а они не понимают ничего, как будто бы в аудитории сидел я сам-второкурсник. И я старался максимально выстроить логично, взаимосвязанно, доказательно — и всё-таки на человеческом языке, чтобы даже до меня дошло. А для этого им нужно было полюбить Фрейда, Адлера, Юнга — как людей. И дело было не в рассказе биографии; хотелось показать, что спорили они именно потому, что это было на самом деле для них важно, что их размышления о психологии были живые, очень нужные каждому сейчас — не для решения бытовых проблем коммуникации с тёщей, а потому что это дико интересно и делает твою жизнь интереснее, объёмнее, красочнее.

И третий опыт. Меня позвали работать в Свободный университет «Эврика». Занятия там предполагалось вести у воспитателей, а то и у заведующих детскими садиками. А это были люди в два и в три раза старше меня. А мы ведь понимаем, что если свекровь вырастила двух детей, то она считает, что больше понимает в их воспитании, чем невестка. И деньги в СССР платили за стаж, тем самым подчёркивая, что любой опыт — уже ценность. А если это опыт дурной? А если нерефлексивный? Но ведь при этом и я не был уверен, что понимаю точно лучше этих людей — даже если они ни одного психологического термина не знали. И тут замечательный педагог Александр Изотович Адамский, руководитель «Эврики», дал мне урок: все его уроки были не словами, а погружением в деятельность.

Я вёл группу дошкольных педагогов на семинаре в Ростове-на-Дону. Все группы должны были предложить план на день. Ну, план так план. Они говорили, а я записывал. Пункт первый: лекция «Суть развивающего обучения». Время — 60 минут. Кто читает? Ну, Вы, Евгений Евгеньевич, и прочитаете. Ладно, следующий пункт. И вот общий пленум. Одна группа говорит: мы ничего не придумали. Другая группа: ой, мы мучались, мучались, вот и то есть, и это, и не поймём, что выбрать. А моя группа выходит и чётко докладывает план. Я потираю руки. Тогда Адамский говорит: «Прекрасно. Раз у нас только один план, то его и берём. Евгений Евгеньевич читает лекцию». Я читаю лекцию… Без подготовки… О сути развивающего обучения (о котором я только слушал три лекции Василия Васильевича Давыдова три года назад). Целый час! А в зале сидит команда «Эврики» — супер-специалисты в области развивающего обучения… Всё — конец… И тут Александр Изотович говорит команде: «Ну, мы пойдём (что-то там обсудим), а Вы читайте…». Уфф, хоть не при них… Я перерыв объявил, минут десять собирал в кучу свои знания и мысли про всё и произнёс-таки текст минут на тридцать пять.

Вот это доверие (конечно, педагогически осознаваемое) — раз мы тебя позвали, мы тебя не проверяем, не критикуем, а доверяем, как равному, — такой тип взаимоотношений сопровождал меня потом на всех местах работы, где мне довелось быть. Это был стиль и Виталия Александровича Сластёнина, и Михаила Юрьевича Кондратьева, и Тимура Николаевича Мельникова, не говоря уже о Николае Евгеньевич Вераксе и Александре Изотовиче Адамском.

Так что преподавателем я стал, когда понял, что за результат отвечаю я — и даже за целеполагание, несмотря на имеющиеся программы; что понимание людей принципиально важно:

я должен понимать их, чтобы они поняли меня; ну и что самому необходимо всё время искать ответы на вопросы, которые задаёшь студентам.

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ

Кто такие квадроберы, и стоит ли родителям беспокоиться

Марина Юдина: В современном мире появилось слишком много различных субкультур. Квадроберы — одни из них. Кто же это такие?

Я бы хотел сначала сделать шаг назад. Когда мы говорим о «современных проблемах», то невольно возникает ощущение, что причины их возникновения коренятся именно в условиях современного мира. А это означает, что нужно будто бы менять именно эти условия, возвращаясь к каким-то прежним формам жизни.

Но чаще всего современными в проблемах являются только их формы, а причины вполне себе вечные. Только сейчас они проявляются у детей в одном виде, а раньше по-другому.

Отсюда два вывода. Первый: чтобы решить проблему, надо не с внешними её проявлениями бороться, а понять, чего же не хватает ребёнку. Второй: взрослые в большинстве своём прошли через подобные ситуации, у них в жизни были такие же «странности» поведения, но которые они сейчас воспринимают как вполне нормальные (выросли же нормальными людьми), а ведь бабушки и дедушки считали всё это неприемлемым и выходящим за всякие рамки здравого смыла и здоровой психики.

Теперь вернёмся к квадроберам.

Как только мы видим новое иностранное слово, описывающее непривычную форму поведения, да ещё и с подозрением на патологию или нарушение юридических норм (абьюз, харрасмент, буллинг, газлайтинг и т.п.), мы должны понимать, что эти слова чаще всего обозначают не нечто конкретное и легко опознаваемое, но спектр очень разных поведенческих проявлений, часть из которых относятся к вполне здоровым формам жизни, часть — к пограничным, когда нужно задуматься и напрячься, и только часть — к явной патологии. Такие термины с расширительным толкованием используются для манипуляции другими людьми, которых всегда можно обвинить в ужасных преступлениях; и от таких обвинений трудно отбиться, потому что окружающие знают, что, в принципе, с них могут начинаться и действительно страшные вещи. Думаю, у многих на слуху судебное разбирательство с профессором консерватории, преподававшем в музыкальной школе, который при обучении игре на фортепиано брал своих маленьких учеников и учениц за руки и поправлял осанку, прикасаясь к спине, вследствие чего был обвинён в педофилии. Значит ли это, что такие формы взаимодействия не могут быть тонкими педофильскими соблазнениями? Могут, конечно. Но они могут быть и вполне человеческими способами общения.

Так и с квадроберами. В широком смысле слова, под этим подразумевается любые анималистические действия: когда человек начинает в поведении подражать животному. Разумеется, сюда не относятся театрализованные действия; это и не про дошкольную игру; и разовые похрюкивания для смеха тоже не про это.

Важно, что человек говорит, что он на самом деле является животным; важно, что это говорит не маленький ребёнок, а человек с достаточной степенью развития сознания; и важно, что человек начинает менять своё обыденное поведение.

Квадроберами изначально называли тех, кто пробовал использовать формы передвижения, свойственные животным; например, бегать на скорости на четвереньках. И это может быть как патологией, так и просто новым видом спорта; а что: прыгать с шестом более естественно?

Квадроберами называют девочек и мальчиков, которые надевают шапочки с кошачьими ушками и пририсовывают себе на лице черты этих зверьков. Но разве помада на лице, серьги или модные в 18-м веке «мушки» не меняют внешность?

Квадроберами называют себя и надоевшие быть людьми и решившие перейти в иной биологический статус. А отшельники, уходившие в лес и ведущие образ жизни, мало отличимый от животных, действительно ли были ненормальными?

Поэтому, чтобы разобраться в проблеме, надо очень чётко отличить, о каких именно поведенческих проявлениях идёт речь.

М.Ю.: Помимо квадроберов есть фурри и териантропы. Если фурри просто изготавливают костюмы животных или рисуют их (не отождествляя себя с животными), то териантропы индетинтифицируют себя с животными. В чем вообще опасность таких увлечений? И для какого в среднем возраста подростков характерны такие увлечения?

Вот у нас и появились новые термины, и это хорошо. Обилие терминов не затуманивает сознание, как опасаются многие, а как раз разграничивает явления, внешне похожие, но реально очень разные.

Патологичны ли фурри и териантропы? На первый взгляд фурри вполне безобидны: многие дети любят рисовать; это привычное и обыденное поведение. А вот териантропы делают нечто непривычное: лают вместо человеческой речи, передвигаются по-обезьяньи и т. п. Но тут мы должны вспомнить, что же такое психологическая патология.

Патологическое поведение отличают два свойства, сочетание которых и определяет глубину патологии. Первое: несоответствие поведения реальности; второе: отсутствие осознания этой реальности.

Возможны четыре сочетания этих параметров.

Небольшое несоответствие реальности и осознание этого несоответствия: человек часто кричит и будоражится по пустякам и понимает, что это всё яйца выеденного не стоит.

Небольшое несоответствие реальности и отсутствие осознания этого несоответствия: человек думает, что он умный и разбирается в истории или биологии, и регулярно учит других, но при этом интеллект его не силён и знания поверхностны.

Большое несоответствие реальности и осознание этого несоответствия: человек ведёт себя в сексуальной жизни, как представитель другого пола, но хорошо понимает, к какому полу реально принадлежит.

Большое несоответствие реальности и отсутствие осознания этого несоответствия: человек ведёт себя как Наполеон, как властелин мира, и реально так и думает, что он — Наполеон, властелин мира.

При этом чем сильнее патология, тем больше нарушается выполнение обычных жизненных задач. Наш первый крикливый персонаж продолжает ходить на работу, водить внуков в детский сад и выращивать бобы на даче; «Наполеон» же занят решением мировых проблем, и ему не до мытья посуды и таких мелочей, как зарабатывание денег себе на пропитание.

А теперь рассмотрим фурри и териантропов. Если «фурри» рисует животных, потому что любит их рисовать; если эти картинки нравятся одноклассникам и для них устраивается выставка в школе, а ещё и некоторые из них продаются в интернете, то перед нами никакой не фурри, а обычный ребёнок. Если же он рисует их непрерывно, забывая есть по двое суток; перестаёт ходить в школу, общаться с людьми, то речь уже о том, что для такого поведения можно использовать новый термин — и пусть им будет фурри.

Если подросток делает дома берлогу из подручных средств, питается только мёдом и сырой рыбой, издаёт рыкающие звуки, перестаёт ходить в школу и общаться с людьми, то ситуация опасна. Если подростки собираются после школы, наряжаются в подобия медвежьих,

шкур, рычат друг на друга, а утром идут опять в школу (пусть даже и не сделав уроки — как и многие их одноклассники, которые вечером вели вполне человеческий образ жизни, сидя у телевизора и гогоча под просмотр сто семьдесят девятой серии «Бесстыжих»), то задуматься мы можем, но звонить в скорую психиатрическую помощь ещё рано. Тем более если речь о подростках.

Подростковый возраст — возраст проб. Человек ещё не знает, кто он и какой он; он пробует себя в разных социальных ролях. И эти пробы могут выходить в том числе и за привычные нам рамки. Но ведь они живут уже немного в будущем, в отличие от родителей, которые живут чуть больше в прошлом. И эти пробы непривычного могут оказаться самым обыденным через несколько лет. Ведь те, кто придумывали интернет, гугл и википедию, в большинстве своём не были золотыми медалистами из серии «хочу всё знать»; часто это были те, кто отрешался от окружающего круга и проводил всё время в общении с железяками и странными наборами символов. А сейчас их последователи носят благородное имя «программист».

Поэтому не будем торопиться сразу осуждать подростковые увлечения.

М.Ю.: Вообще, желание перестать быть «человеком» у подростков о чем может говорить? Есть ли ситуации, когда это нормально, а когда стоит бить тревогу? Например, после известного скандала с российской певицей, которая прилюдно «унизила» ребёнка-квадробера, многие посчитали своим долгом выложить в сеть фотографии 90-х годов, когда в тех же детских садах, на различных огоньках, дети все сплошь и рядом были одеты в различные костюмы животных. При всём при том, что певица ясно дала понять, что, например, «пить из лужи» или «кусаться» — это уже запредельная ситуация.

Опять мы возвращаемся к понятиям нормы и патологии. Если ребёнок, говоря, что он капибара, выпьет воду из грязной лужи — это плохо. Но это ещё не патология. Это всего лишь дурь. А вот если он выпьет грязи, потом отсидит свои пару дней в весёлом отхожем месте, страдая и мучаясь животом, а потом всё равно пойдёт и опять будет пить из лужи, потому что он капибара, и его капибаричья душа не принимает тефтели и трюфеля — это уже патология.

Если ребёнок кусает других, то это плохо. Но это ещё не патология: то есть с этим не надо сразу бежать к психиатру. Даже к психологу идти ещё не обязательно, потому что, возможно, проблема не у него, а у родителей, которым нет дела до его воспитания; и работать надо с семьёй. А вот если он кусается, объясняя свою агрессивность тем, что он шакал, и повторяет из раза в раз, изо дня в день, то, конечно, мы имеем дело не просто с нарушением социальных норм, а с реальной психологической (или психиатрической) проблемой.

Итак, мы смотрим на регулярность странного поведения, на нарушение традиционных социальных взаимосвязей, на глубину таких нарушений и на то, действительно ли ребёнок не понимает, кто он на самом деле. Последнее проверить легко: исподволь поставьте, когда он гавкает, его любимый мультфильм; между делом, когда он грызёт вешалку, пронесите мимо него его любимый тортик. Если он забросит свои предыдущие занятия и потянется за вами, значит, он, как минимум, осознаёт, что он человек.

М.Ю.: А такие увлечения — они во всех случаях проходят? Но наверняка не во всех случаях они проходят бесследно?

Знаете, цивилизация, которая прошла через покемонов, телепузиков и тамагочи, достаточно устойчива.

Сейчас все боятся, что дети, часами сидящие в онлайн-играх, массово сойдут с ума. А раньше боялись социальных сетей, а до того плейстешена, а ранее — ролевых игр в хоббитов,

а до того — залипания в наушниках на рок-группах или зависания с гитарами в гараже, а ещё был футбол, ради которого Костя Шишкин и Витя Малеев забывали обо всём…

И где сейчас Костя, Витя, Галадриэль, Элронд, Блэкмор и остальные? Они работают в банках, автопарках, университетах, на бензозаправках, в магазинах и офисах; ездят отдыхать в Дубай и на Байкал; построили дачи, купили автомобили; у них дети — мальчики и девочки, которые рисуют себе на лице мордочки капибар и мяукают при встрече друг с другом.

Или сидят на обшарпанной кухне с подгнившими обоями, жалуются на жизнь и пьют дешёвый портвейн.

Но точно не переполняют массово Канатчикову дачу в Москве, 23-й километр в Магадане, «на первом до конечной» в Рязани и другие дома для умалишённых. Конечно, и в сумасшедшем доме сейчас к Наполеонам добавляются и иные, более актуальные персонажи. Но их число не превышает проверенные историей доли процента.

М.Ю.: Самоопределение — непростая тема для современного подростка, который много времени проводит в гаджетах, играет в компьютерные игры, где он может быть любым «героем»; современные подростки могут быть либо полностью предоставлены сами себе — родители слишком много времени работают, либо, наоборот, их время расписано по минутам — родители слишком боятся, что ребенок встанет не на ту дорогу. Можно ли сказать, что в таких ситуациях, любовь подростка к каким-то субкультурам — это бунт, желание сепарироваться от «не своей жизни» (например, ребенку интересны рисование и балет, а родители «впихивают» в него секции бокса, математики и сложных иностранных языков) или попросту отделиться от родителей и не иметь с ними ничего общего?

Жизнь подростка — всегда бунт. Вне зависимости от эпох и культур. И родители, конечно, этому бунту способствуют, стараясь загнать подростка в привычные им рамки, которые часто представляют собой давно отжившие системы правил и понятий.

При этом, наблюдая за подростком, образ жизни которого иной, а значит, сулящий неведомые опасности, задумаемся не только о предполагаемых минусах, но и о возможных плюсах.

Вот, Вы упомянули про компьютер. Обсуждать активность ребёнка в компьютерной игре интересно; но тут же вопрос в том, а станет ли компьютерный герой героем в обычной жизни, как персонажи фильма «Марс атакует», напрямую применившие навыки изничтожения компьютерных монстров в борьбе с инопланетянами. Но ведь компьютер (игры, сети) сыграл и другую роль: он вытащил детей из подъездов и дворов, где только в розовых воспоминаниях бабушек дети играли в салочки, пересказывали друг другу стихи Барто и мастерили кормушки для трясогузок. В реальности для большинства это был жёсткий опыт алкогольно-криминального познания мира. А сидящий у компьютера, как минимум, уже больше защищён от распивания бормотухи в подъезде и травли пацанами в проходном дворе. Но при этом, понятно, возникают уже новые опасности — изоляции от мира, ограничение живого общения, попадание в компьютерные манипулятивные сообщества.

А бытие квадробером как раз вырывает из виртуального мира в мир собственных реальных действий. При этом квадроберничанье минимизирует опасности ролевых игр, которые были основным явлением 90-х в нашей стране, когда тысячи молодых людей собирались на несколько дней в каком-нибудь приволжском лесу и отыгрывали сюжеты «Сильмариллиона», являя удивительные способности к соорганизации при минимуме средств связи и отсутствии финансовой и, разумеется, административной поддержки. В ролевых играх было сюжетное богатство, проработанность игрового мира, разнообразие сфер приложения творческих сил (одежда, оружие, украшения — всё создавалось своими руками). У квадробера таких возможностей принципиально меньше: разрисовался, похрюкал, окопался — а дальше-то что? Именно поэтому такая игра в большинстве случаев быстрее надоест. Кроме того, ты должен вести

жизнь в непривычных формах (например, ходить на четвереньках). Это просто неудобно. Да и, если ты эльф, ты привлекательнее для окружающих; а если крот — то только для крота.

И у квадроберства есть ещё один смутный, но реальны плюс: если ребёнок воспринимает это серьёзно, то он должен немножко изучить повадки животного и его образ жизни, то есть погрузиться в изучение биологии, а, кроме того, овладеть азами актёрского мастерства, чтобы походка павиана не напоминала ковыляние нетрезвого соседа по лестничной клетке.

М.Ю.: Если вдруг однажды ребенок сообщает родителю, что теперь он — бурый медведь (или любое другое животное), ребенок начинает рычать, есть с земли — в общем, старается себя вести, как этот самый медведь (или как любое другое животное) — что делать?

Ну порычите вместе с ним! Начните строить его берлогу. Как только дети увидят, что родители тоже принимают условия игры, у большинства пропадёт охота тратить на неё время.

М.Ю.: Можно ли с уверенностью сказать, что подросток, — а не дети 5—6 лет в костюмах животных на фотографиях из детских садов, — который вдруг объявил себя котом, — это ребенок с детскими психологическими травмами?

Можно. Но не потому, что он объявил себя котом. А потому что детские психологические травмы есть у всех, даже если мы объявляем себя высокоразвитыми людьми. Но это не очень важно. Если у человека есть проблема, то поздно обсуждать, что было у него в детстве — надо искать, чего ему не хватает сейчас.

М.Ю.: Мы, родители, не можем отгородить своих детей от современного непростого мира: многие дети стали слишком жестоки, многие родители ничего не вкладывают в сознание своих детей — понятия дружбы, помощи и доброты стали слишком размыты — раньше всё-таки такого не было. Было непросто (если вспомнить те же 90-е), но понятия уважения ко взрослым, как и многие их перечисленных выше, были у большинства, а сейчас — у меньшинства. Что можно или нужно делать, чтобы постараться ребенка заранее «отгородить» от тех, кто может ощутить вдруг себя собакой, как себя вести, чтобы у ребенка не возникло желания примкнуть к какому-то очередному «течению»? Просто, что называется, разговаривать, быть заинтересованным в жизни ребёнка, спрашивать, как дела / что беспокоит / как день прошёл?

В данном случае я бы с Вами не согласился. Как я уже говорил, опасно приписывать проблемы изменению внешних условий. Как и раньше, и сейчас понятия дружбы, помощи и доброты существуют; как и раньше, так и сейчас они не очень популярны. Раньше об этом много говорили на классных часах (вызывая массовое отторжение у школьников, вынужденных часами выслушивать банальные нравоучения). А потом подросток выходил в реальную жизнь, переполненную травлей слабых, отбиранием мелочи у младших перед кинотеатром, ранним пьянством и сексуальной жизнью, жестокими драками между представителями любого пола и т. п. И к взрослым было не уважение, а послушание — и оно тут же заканчивалось, как только появлялась возможность. И в 70-е, и в 80-е, и в 90-е. И, конечно, нынешняя жизнь мягче.

И поэтому, если мы хотим обезопасить ребёнка, нужно понять, чего же ему не хватает. И это проблемы, перетекающие из поколения в поколения. И в каждом поколении, есть те, кто их решили, а есть множество людей, которые в них жили и живут, создавая иллюзию, что раз проблема вечная, то она нерешаемая.

Проблема первая: детям нечего делать. При всём обилии кружков и секций, у детей нет настоящего, интересного им дела. Такого, например, какое мог предложить Владислав Крапивин в своей «Каравелле», где дети строили настоящие корабли и ходили в реальные походы, с опасностями и романтикой, с дисциплиной и ответственностью. При этом не обязательно искать интересное в отрогах гор и на речных порогах. Важно сформировать у ребёнка интерес к многообразию культуры, к разнообразию окружающего мира. Но если родители сидят дома в выходные и слушают песни своей юности и те, что сейчас играют по радио, книг не читают практически никаких и рассказывают про то, что пейзаж за окном дачи — самый красивый на свете, то ребёнку ничего не остаётся как начать подкармливать тамагочи, отстреливать в компьютере монстров или превратиться в жирафа. И школа тоже не решает этой проблемы, так как за постижение мира ставит отметки; а Вы бы хотели поехать в другую страну путешествовать, если бы знали, что за каждое действе Вам будут ставить «пять» или «два»? Поэтому надо всячески расширять детский опыт, поощрять любые пробы, быть открытым к непонятному, к другим культурам, оставлять привычное и приятное; путешествуя, отправляться в необычные места — и это не магазины. Ребёнок должен жить в квартире, которая открывает его окружающему миру; где есть камни, подобранные на берегу Мёртвого моря (и они не пылятся в коробочке в шкафчике); где магнитики на холодильнике рассматриваются и вспоминаются; где смотрят британское кино 50-х годов (потому что было же в Британии кино, и наверняка же классное); где на кухне разговаривают не только о сиюминутном.

Проблема вторая: у детей нет ценностей, ради которых хочется оставаться в реальности. Столетие в нашей стране разрушался институт семьи. У кого сейчас есть родовое гнездо: место, в котором накапливается материальная культура нескольких поколений; где встречаются четвероюродные братья в гостях у прабабушки? Какая самая старая вещь в Вашей квартире, хранимая с любовью? Висят ли на стене портреты предков или только старое чёрно-белое помятое фото стоит в серванте за салатницей? А родители: как они проявляют в своей жизни вот ту самую дружбу, помощь и доброту? Что доброго делают тому, кто им точно ничего в ответ не сделает? При этом помогают реальному ближнему, а не псевдонищему в метро, доход которого неизмеримо больше, или переводят деньги в интернет-жуликофонд, потому что прочитали душещипательную трогательную историю о неизвестном придуманном тяжелобольном. Те, кому нужна помощь, рядом; добры ли мы к ним?

И третья проблема: у детей нет активной позиции. Нет даже места, где её можно проявить. Попытки школьного самоуправления, где пообсуждали, а потом сделали так, как изначально хотели педагоги? Какая дома есть сфера быта, в которой ребёнок — хозяин? То есть он знает, что если он сказал, что будет так, то взрослые согласятся, даже если им это не нравится? Это очень важно: взрослый не обязан хвалить каждый вариант причёски подростка и каждый постер с убогим попсомузыкантом на стене; но ребёнок должен знать, что плакат со стены никто не сорвёт, а про причёску не будет оскорбительных и унизительных высказываний.

Если у ребёнка будет семья, объединённая здравыми ценностями; если будут дела, в которых можно искать и проявлять себя; если будет поддержка окружающих как самостоятельного и инициативного человека, то странно залезать в дупло и оттуда кукарекать.

М.Ю.: А как тогда не перегнуть палку, «встревая» в жизнь своего подростка с надоедливыми (для подростка) вопросами о его жизни?

А это главный вопрос. Ребёнка можно спрашивать обо всём; и советы можно давать любые; и, мало того, можно говорить, что музыка, которую он слушает, так себе, а фильм «Барби» не вершина кинематографического искусства. Но для этого нужно главное: доверие. А оно не возникает само собой. Оно начинается в младенчестве, когда мать кормит или перепелёнывает не потому, что сейчас вспомнила или не вспомнила, а потому что знает, когда кор-

мить — и никакой телефонный звонок её не отвлечёт. Оно продолжает укрепляться в детстве, когда ребёнок знает, что если есть какая-то норма, то она, во-первых, не случайна, а обоснованна, во-вторых, она будет выполнена, и, в-третьих, она всегда может быть изменена, если возникнут действительно важные обстоятельства. Оно развивается в начальной школе, когда родители и приходящие в дом взрослые друзья разговаривают о серьёзных вещах, делятся воспоминаниями о былых проблемах и переживаниях, привлекают ребёнка к планированию важных дел (отпуска, ремонта), выслушивая его детские доводы и внятно объясняя свои основания. Оно укрепляется в подростковом возрасте, когда родители интересуются жизнью друзей, которых дети приводят в дом, и любят незнакомых мальчика и девочку, которые не соответствуют никаким их ожиданиям, но которых привели в дом их девочка и мальчик.

Тогда никакие вопросы о жизни не смогут надоесть, так как каждый любит рассказывать о своей жизни и ценит, когда ею интересуются.

Трудный подросток — как родителям из врагов превратиться в друзей

М.Ю.: Давайте начнём с возраста. Говорят, сейчас подростки — это уже лет с 10. Какой же возраст считается подростковым?

И первый же вопрос сразу непростой.

И не потому, что дети развиваются в разном темпе. Дело в том, что нужно определиться с самим понятием «возраст». Возраст — это не про годы и не про миелинизацию нервных волокон. В психологии возраст — это новый этап жизни, когда психологические процессы начинают работать другим способом: человек запоминает по-иному, чем раньше, умозаключения выстраивает по другим законам, реагирует на те же ситуации новым способом. А вот переход на новый уровень зависит не столько от физиологии, а от социальной ситуации, в которой человек находится; от того, какие задачи решает; от того, как к нему относятся.

Обратили ли вы внимание, как называются дети разного возраста: дошкольник, младший школьник, старший школьник? Эта привязка к системе образования не случайна: от того, что ребёнок оказывается в новых условиях, у него начинает меняться и психология. А тогда вопрос простой: а если ребёнок пойдёт в школу не в 7 лет, а в 6 или в 8? Тогда у него и младший школьный возраст начнётся в 6 или 8? Именно так. Но при условии, что в школе будет происходить что-то принципиально иное, чем в детском саду; если в школе будет не просто рисование палочек и выучивание орфограмм, а формирование новой деятельности — учебной, в которой ребёнок должен будет ставить сам познавательные цели, находить пути решения задачи (а не подбирать правильную формулу из памяти), понимать, каким способом он решил задачу, а, значит, получать возможность применить этот способ в задаче с непохожими условиями. Если этого нет, и он только зазубривает наизусть определения частей речи и не интересные ни ему, ни учителю стихи о природе, то и в новый возраст он не переходит, хоть и вырастает уже из дошкольного костюмчика.

И с подростками схожая ситуация. Конечно, есть объективная физиологическая реальность — половое созревание, начинающееся у девочек раньше в среднем на пару лет. Но новый возраст наступает не потому, что появились новые внешние признаки, а потому что к человеку начинают по-новому относиться — видя внешние изменения, делающие его похожим на взрослого, от него закономерно ожидают взрослого поведения, которого как раз и нет. А отсюда и усиление конфликтных ситуаций. Формально подростковым считается возраст между начальной и старшей школой, то есть можно уже с 10—11 лет вести речь о младших подростках, и в 15—16 продолжать ещё говорить о подростках старших. А позднее уже — юноши и девушки; хотя регулярно на праздниках «Последнего звонка» я вижу, как здоровый парень-выпускник под два метра говорит: «Мы, дети, хотим сказать спасибо…» Да у него самого, возможно, уже дети…

М.Ю.: Трудный подросток — он для всех разный, если так можно выразиться. Для семьи, где царит спокойствие, где придерживаются строгих правил и прочего, трудный подросток — тот, который, например, решил покрасить волосы в красный цвет. Для родителей-«сорвиголова» будет совершенно не принципиально, какого цвета волосы у их чада, решил ли он проколоть себе нос и сделать татуировку (с одним требованием, чтобы она была временная). Для третьих родителей трудный подросток — это тот, который всё время спорит, не помогает по дому, всё забывает. Так какой же он — трудный подросток?

Очень интересное наблюдение! И за ним стоит глубокая мысль, что «трудность» подростка имеет две стороны.

Первая — та, на которую обычно обращают внимание, когда трудным оказывается подросток с точки зрения родителей, если его поведение не совпадает с их ожиданиями. Он носит нелепые широкие штаны! (А не нелепые узкие, как мы в его возрасте). Он красит волосы в зелёный цвет! (А не набриолинивает их, как дедушка в школьные годы). Он слушает рэп! Это же вообще невозможно!! (А не «Девочка сегодня в баре» Юрия Лозы, «Бухгалтер, милый мой бухгалтер» и «А я люблю военных красивых, здоровенных» группы «Комбинация» или хотя бы «Ленин, партия, комсомол»). А когда семья открыта новому («А вдруг рэп — тоже интересно? А вдруг я там найду нечто своё, близкое?»), когда поиск воспринимается как добавление в жизнь интересного, когда мелочи не становятся принципиальными, то и подросток не будет трудным.

А вот вторая сторона глубже: подросток всегда трудный для самого себя. Он меняется, и это неожиданно. Ну вот представьте, что вы, взрослые люди, вдруг неожиданно стали бы быстро меняться: у вас увеличился бы резко рост, структура тела, ваш голос за год изменил бы тембр, вам вдруг стало совершенно неинтересно то, чем вы жили много лет — и не потому, что вы нечто переосмыслили или переоценили, а непонятно почему — просто так; вас перестали бы интересовать те, с кем вы общались годами до этого, а те, кто вам интересен, с вами общаться не хотят. И, повторюсь, это всё происходит очень быстро и необоснованно, непонятно почему. Было бы вам комфортно? Подозреваю, что не очень.

Но ведь тогда возникает и самый главный вопрос: а кто я? Мы можем описать себя через свои вкусы, пристрастия, через круг общения, через умения: я весёлый человек, любящий кёрлинг, филателию и вышивание крестиком, общающийся с Максом и Ринатом, слушающий «Алису» и «Нирвану». И вдруг всё это оказывается глубоко неинтересным, а иногда даже и странным: как это всё я мог носить, слушать и любить? Но, если это всё не часть меня, то кто же я? Никто? Пустое место, в которое можно положить что угодно?

Это тот, вопрос, из которого рождается личность. Но вопрос, искать ответ на который трудно, а иногда и мучительно.

М.Ю.: Сколько вообще может длиться эта подростковая «трудность»?

Вот эта настоящая «трудность» длится до тех пор, пока подросток не найдёт себя, то есть ответит на вопрос, что для него действительно ценно в жизни. Как вы, наверное, догадываетесь, многие остаются подростками навсегда. И когда родитель-подросток: с бородой, лысиной, двумя высшими образованиями в бэкграунде и выпивающий двести пятьдесят одним глотком — сам не может понять, зачем он эти образования получил и бороду отрастил, то сталкиваясь со своим чадом, он будет видеть себя в зеркале. И в зеркале он будет не причёсанный-прилизанный, а только что проснувшийся, мутный, смутный, настоящий — а это зрелище не всегда радостное, и иногда хочется такое изображение с зеркала стереть. И родитель начинает «воспитывать» подростка, чтобы «отражение» стало глаже; и тогда трудно становится всем.

М.Ю.: Запас терпения, конечно, у всех разный — как и прочность нервной системы. И часто это совершенно не зависит от того, понимает ли родитель, что с его подростком вот прямо сейчас происходят гормональные изменения, ребёнку самому непросто. Как родителю возможно «гасить» в себе желания, когда уже совершенно нет сил терпеть, наорать на подростка, не дай бог выгнать его из дома?

Здесь совет очень простой: помнить свою молодость.

В этом отношении наибольшую опасность для подростка представляют те родители, которые с полутора лет сами завязывали шнурки, в пять лет прочитали Достоевского, в одиннадцать просыпались под гимн физкультурников, а из представителей противоположного пола заглядывались только на Людмилу Зыкину или Луи де Фюнеса, да и то перед пенсией. Для них несовпадение с их жизненной линией выглядит крушением всех идеалов.

Но чаще люди в подростковом возрасте пробовали курить (это те, кто не пробовал в начальной школе), не любили делать домашние задания по химии и черчению, смеялись над глупыми анекдотами («Приезжает муж из командировки, а в постели Чапаев и Брежнев»), играли в «козла-хозяина», пытались в медленном танце скользнуть рукой несколько ниже, чем принято в котильоне, часами слушали «бу-бу-бу, джвз-джвз» в наушниках, грелись зимой в подъездах портвейном, отстреливали монстров в игровой приставке, дерзили родителям и учителям и не задумывались, в каком институте будут готовиться приносить пользу страждущему человечеству.

И ведь ничего — из дома их не выгнали; выросли, семьи завели и на работе их уважают.

Повспоминайте вместе с детьми школьные годы, посмейтесь вместе над проделками и проказами тех времён, вздохните «это ж надо, какой я был раздолбай» — и как-то топать ногами расхочется; и из дома пойдёте вместе — в ближайший магазин за лимонадом.

М.Ю.: А действительно ли сам подросток всегда понимает, что ему сейчас в такой буре гормональных всплесков непросто? Он же живёт в моменте, если так можно сказать, не думая о последствиях.

Как раз взрослый меньше задумывается о своём внутреннем мире, реже анализирует «а почему я такой, а вдруг проблемы не на работе и семье, а во мне». Подросток же переживает свои изменения и о них думает (и про это никогда не расскажет).

А вот про «жизнь в моменте» сказано очень точно. У подростка (особенно в младшем подростковом возрасте) ещё не сформирована такая интеллектуальная способность, как планирование. При хороших условиях она появляется только годам к 14 — но хорошие условия очень у немногих.

Планирование — изменение своей деятельности здесь и сейчас, чтобы нечто произошло в будущем, но при этом гарантии, что оно произойдёт, нет. Я хочу поступит в Физтех, поэтому перестаю вечерами гулять с друзьями во дворе, стираю все аккаунты в социальных сетях и занимаюсь усиленно в школе, дома и с репетитором, при этом понимая, что проходной балл на интересующем меня факультете 300. Вот на такое планирование способен редкий подросток; не потому, что воли нет, а потому что будущего для него пока ещё не существует, он продолжает жить днём сегодняшним. И поэтому давить на совесть, пугать тем, что не поступит через пять лет в институт и из-за этого пойдёт в менее привлекательные места коллективного взаимодействия, просто бессмысленно.

Да и вспомним опять себя: многие ли в шестом классе, знали точно, куда направят свои стопы после школы? Да и в девятом классе тоже…

М.Ю.: Ситуация выходит из-под контроля — это когда происходит что? Например, понятное дело, если подросток стал возвращаться домой поздно, пьяный или странный — здесь вряд ли помогут одни лишь задушевные разговоры с родителями. В каких ситуациях стоит обращаться к психологам (или, может, ещё к каким врачам?)?

Когда ситуация вышла из-под контроля, то уже поздно. Это как в медицине: можно дождаться, когда человек заболеет, и потом пичкать его лекарствами, ставить горчичники и

поить малиной. А можно заниматься профилактикой, чтобы болезнь не началась: пить витамины, делать прививки, закаливаться, повышать иммунитет.

Страшно, когда подросток уже подсел на наркотики; и, понятно, что родители будут обращаться ко всем специалистам, каких найдут. И никаких советов здесь дать нельзя.

Но действовать всегда надо до того, как что-то произошло. А для этого надо, в первую очередь, интересоваться жизнью ребёнка. Надо знать, какую музыку он любит; надо понимать, что если на нём красно-зелёный шарф, то счёт, с каким разгромили в Кубке «Локомотив», существенен; нужно интересоваться личной жизнью его друзей — да просто разговаривать надо с ним почаще!

А для этого мы должны быть детям интересны. И речь не о том, что надо перед его приходом залезть в Википедию, чтобы узнать несколько новых открытий британских генетиков, а потом быстро пролистать томик Баратынского, чтобы зачитать наизусть четверостишие за ужином.

Интересны мы должны быть тем, что в нас есть настоящего, главного. Ведь за что-то нас ценят на работе — значит, мы умные, способные люди; ведь любят нас друзья — значит, мы хорошие и интересные для общения. Но ребёнок-то этого не видит! Он не видит уважения коллег и доверия друзей. А сам о себе не будешь же рассказывать: вот я какой умный, а тут меня ещё и начальник похвалил, а дядя Ферапонт за советом обратился… И поэтому муж должен постоянно рассказывать дома детям, какая у них талантливая мать, а жена восторгаться его успехами на работе. И в дом должны приходить друзья родителей, чтобы дети видели, что их родители — интересные, успешные, привлекательные люди. А иначе с чего бы вдруг нужно обращать внимание на их советы?

М.Ю.: Вообще, если при каждом разговоре с подростком кажется, что он всё понял, он обещает стараться быть не таким «колючим», но по факту в его поведении ничего не меняется — что делать?

Ждать. Подростковый возраст с его трудностями может начаться внезапно; но утешает то, что он так же внезапно завершается. Сын или дочь поехали на две недели на дачу; вернулись — и всё! — другие люди.

М.Ю.: Насколько вообще родителям стоит «лезть в душу» к своему подростку? Здесь такая тонкая грань между тем, как бы не упустить что-то важное, и тем, чтобы не превратиться в надоедливую «мамашку». И вообще, выстраивать доверительные отношения с ребёнком лучше не по факту кризиса, а с самых, так сказать, пелёнок?

«Лезть» вообще никуда не надо; а вот разговаривать по душам очень полезно. Но для этого подросток должен родителям доверять. Однажды я наблюдал картину, как мама моего одноклассника доверительно с ним разговорилась на кухне за чаем. И в какой-то момент, улыбаясь, спросила: «Ну ты ж иногда, наверное, можешь матерком сказануть?» И, он, чуть смущаясь, ответил: «Ну да, бывает иногда…» И она тут же взвилась: мол, да как ты можешь! Что интересно: она явно не пыталась его «раскрутить»; она действительно разговаривала искренне, но, столкнувшись с тем, что для неё было за запретной чертой, не сдержалась. Ну и станет после этого подросток рассказывать матери о своих переживаниях?

Все разговоры надо вести не напрямую, исподволь. Лучше всего начинать рассказывать о своей личной жизни в школьные годы: о переживаниях, страданиях, ляпах. И рассказывать не ему, а другому собеседнику, чтобы не возникла мысль, будто вы пытаетесь подростку что-то внушить, навязать.

И, конечно, вы абсолютно правы, что это доверие надо формировать в самом раннем детстве. Но достигается оно не за счёт душевных разговоров, а за счёт создания в семье понятного, безопасного, логичного пространства. У нас есть правила, которые мы выполняем, потому что они делают жизнь удобнее (и это удобство реально заметное). У нас есть режим, потому что с ним жить лучше (и ребёнок ожидает режимных моментов, так как, вовремя почистив зубы, он успевает послушать сказку перед сном). У нас есть традиции, которые не случайны (и ты сам рождаешь новые). Тогда семейные взаимоотношения становятся такой же привычной данностью как законы физики: я не могу подпрыгнуть до потолка, потому что это невозможно; я не могу прийти домой поздно, не предупредив — а как иначе-то?

М.Ю.: У нас очень многие дети растут в неполных семьях. Насколько в кризисе подросткового возраста имеет значение о том, говорит ли с ребёнком родитель того же пола, что и ребёнок? И как вообще, например, маме-одиночке, разговаривать с трудным сыном-подростком? Или отцу-одиночке с дочерью-бунтаркой?

Важно понимать, что гендерная статистика, как и любая иная, рассказывает лишь о том, как чаще всего происходит, но не о том, что иначе невозможно. Ну конечно, папа чаще разговаривает с сыном, а мама с дочерью. Но при этом наверняка и среди нашего окружения мы знаем случаи, когда у дочери более близкие отношения с отцом, а у сына с матерью. Можно вести себя, как Тамара Васильевна из «Пяти вечеров», предъявлявшая претензии к поведению девушки своего племянника Славика и стращая его письмами Маркса. А можно как Алиса Витальевна, тётя Костика из «Покровских ворот», которая отвечала на звонки девушек, записывала их телефоны или рассказывала им, что он уехал в экспедицию на несколько месяцев.

М.Ю.: Какой ваш совет, как нужно общаться с подростком, чтобы потом не было «травм с детства»?

Представьте, что ребёнок — ваш друг; и поступайте так, как в этой ситуации поступили бы по отношению к другу.

Как родители влияют на развитие маленького ребёнка

М.Ю.: Сфера общения — назовём её первым этапом развития — это та сфера, в которой дети должны научиться эффективно общаться со своей семьёй, сверстниками, учителями и другими людьми. Как мы, родители, можем эффективно обучать своего маленького ребёнка общению, чтобы у того по мере взросления все эти «эффективности» переросли в навыки общения и выстраивания отношений?

Есть одна большая иллюзия, которая существует в сознании многих людей. В её основе лежит следующий парадокс. С одной стороны, взрослые считают, что ребёнка надо развивать, искать специальные программы, книги, кружки, всячески структурировать его жизнь, иначе у ребёнка не разовьются качества, которые потом потребуются ему в жизни, чтобы достигать своих профессиональных и личных целей. Но, с другой стороны, большинство взрослых уверены, что они, в-основном, нормально справились с возникавшими в их жизни задачами; при этом в никаких особых развивающих программах не участвовали. Но если большинство людей становятся нормальными развитыми взрослыми в результате жизни в обычных условиях и посещая стандартную школу, то, может, и не требуется изыскивать каких-то особенных средств развития, а просто предоставить ребёнку возможность спокойно барахтаться в мутных волнах бытия? И тогда не нужно специально учить общаться — жизнь сама научит. Во всяком случае, если взрослый задаётся вопросом «как научить общению и выстраиванию отношений», тем самым он даёт понять, что сам эти отношения выстраивать умеет. Ведь без этого он не сможет научить ребёнка.

А вот умеют ли на самом деле взрослые общаться?

Начнём с простого: каков словарный запас взрослого человека? Речь идёт не об общем количестве слов, значения которых он знает, а о количестве слов, в принципе употребляемых в жизни. Согласно исследованиям, для жителей России он составляет в среднем примерно 2 тысячи слов; из них регулярно используемых (хотя бы раз в год) будет, наверное, в два раза меньше. При этом немалая часть этих слов являются профессиональными терминами, которые человек употребляет только на работе.

Много это или мало?

Можно сравнить с «Толковым словарём живого великорусского языка» Владимира Ивановича Даля, в котором около 200 тысяч слов. Можно со «Словарём языка Пушкина» (все слова, которые Александр Сергеевич употребил в письменных текстах примерно за 20 лет) — там их 24 тысячи.

И каждый может провести простой эксперимент: попросить какого-нибудь близкого родственника, чтобы он как-нибудь через недели две (когда Вы подзабудете о разговоре) включил вечером, когда Вы вернётесь с работы, диктофон и записал незаметно все Ваши разговоры. И так сделал раза три. А потом произведите простой количественный подсчёт: сколько слов Вы употребили во всех беседах с домочадцами в процессе поедания борща, рассказа о пакостных кознях заместителя начальника отдела, просмотра сериала «Броневик уходит от погони» (или «Милашка Сью и её парни») и обсуждения семейной жизни соседки? Сколько новых слов было во второй и третий вечер — тех, которые не прозвучали в первый? Часто ли употреблялись слова, не обозначающие предметы и явления, которые находятся вокруг нас (на кухне, когда разворачивалась беседа: «половник», «милая», «добавка», «по второй», «началось» — или на работе в течения дня: «рейсфедер», «ватман», «беломор», «сволочь», «перевыполнение плана» и т.п.). Были ли среди них слова «незначительно», «восторг», «непредсказуемый», «эквивалент», «аэроплан» (а эти слова как раз из тех двух тысяч, которыми оценивается наш

словарный запас, так как мы их знаем и можем пользоваться), не говоря уже о «бом-брамселе», «фенолфталеине» и «отнюдь»?

Второй вопрос: сколько минут Вы разговаривали вообще со своими домашними? Именно минут? И из интересного для нашей темы: сколько минут Вы разговаривали со своим ребёнком-дошкольником? Не просто при нём, а именно с ним. Были ли это интересные для него темы?

Вот какой самый популярный вопрос, который задают родители, забирая ребёнка вечером из детского сада? Да, правильно: «Что было сегодня на ужин?» Как Вы догадываетесь, обсуждение кулинарных практик не входит в приоритетные темы размышления ребёнка. Второй вопрос по популярности: «Ну, что сегодня было?» В каком смысле — что было? Ну вот если Вас после работы спросить «ну что сегодня было», Вы сразу броситесь рассказывать длинными сложноподчинёнными предложениями о перипетиях рабочих будней? Скорее всего, буркнете, что, мол, нормально всё. Но даже если ребёнок что-то начинает рассказывать, то ведь взрослый часто в ответ просто кивает и нечленораздельно мычит да иногда подпускает междометия вроде «а-а!» или «ну да», таким способом поддерживая «беседу».

Для того, чтобы научить ребёнка разговаривать, надо с ним разговаривать. А для этого нужно, чтобы, во-первых, Вам было, о чём сказать, во-вторых, чтобы эти темы были интересны и ребёнку, и, в-третьих, чтобы беседа не была чередованием монологов (один рассказал о своём, другой гмыкнул и в ответ о своём поведал). То есть нужно уметь слушать, понимать, про что говорится и задавать вопросы, на которые собеседнику — в данном случае ребёнку — будет интересно отвечать.

Мама одного трёхлетнего ребёнка как-то пожаловалась моей супруге (а она психолог, работающий с дошкольниками), что у неё ребёнок не разговаривает. Супруга спросила, а о чём Вы с ним говорите, на что получила логичный с точки зрения матери ребёнка ответ: «Как о чём? Вы что — не поняли?! Я же Вам сказала: он не умеет разговаривать!!» Ну так и не научится никогда.

М.Ю.: Ещё один этап — это физическое развитие. На протяжении всех этапов развития у ребёнка развивается как крупная, так и мелкая моторика. Развитие крупной моторики позволяет ребёнку передвигаться, удерживая равновесие, координацию, лёгкость и уверенность. А как физическое развитие влияет на психическое здоровье малыша?

Ещё много десятилетий назад великий швейцарский психолог Жан Пиаже (хотя он, конечно, просто великий — не только внутришвейцарски, но и для всех стран и народов) назвал самую раннюю стадию развития интеллекта ребёнка сенсомоторной. То есть ребёнок решает встающие перед ним задачи путём координации образов восприятия и движений. Нам кажется, что младенец, который двадцать раз согнул и распрямил ножку, просто дёргает ногами; на самом деле он овладевает своим телом: он же не знает, какую мышцу надо напрячь, чтобы совершить правильное действие.

Лёгкая ли это задача? Давайте вспомним, легко ли было нам прыгать в школьном спортзале через «коня» и «козла», легко ли было перепрыгивать планку, установленную на метровой высоте? А ведь это может сделать любой здоровый человек; и нам показали и подробно рассказали, что должна делать толчковая нога. А что же говорить о ребёнке, который не знает ещё ничего? И каждое «одинаковое» движение, которое он совершает, становится всё совершеннее.

Правда, не надо забывать, что развитие моторики (особенно мелкой) влияет на развитие интеллекта именно в раннем возрасте; а то многие учителя начинают оправдывать этим психологическим тезисом измывательства над учениками при постановке хорошего почерка. В школе интеллект развивается уже иными способами; да и многочасовое погружение в дея-

тельность, которая в будущем не будет иметь практического применения (большинство людей сейчас тексты печатает на клавишах гаджетов) тоже к развитию ребёнка отношения не имеет.

Главное же в работе с физическим развитием детей, конечно, состоит в том, чтобы они научились не бояться физических действий. А для этого надо не время занятий физкультурой увеличивать, нет; для это надо предоставить им пространство разумного, осознанного риска, чтобы они могли опробовать свои физические возможности. У нас в дошкольной педагогической культуре слово «риск» вызывает оторопь. В европейских детских садах может на площадке расти дерево, по которому лазают воспитанники детского сада. В Москве же, например, даже горки в детских садиках запретили, чтобы ребёнок случайно не удавился шарфиком, с неё поскользнувшись.

Но для этого взрослый должен внимательно отслеживать ситуацию. Мама, которая пришла с ребёнком на детскую площадку, и лайкает ВКонтакте кулинарные изыски подруг в тот момент, когда забывшийся в игре ребёнок пробегает мимо железных качелей, на которых раскачиваются другие восторженные и ни о чём не думающие дети, создаёт ситуацию, когда физическое развитие может окончиться физическими травмами. Но и ходить всё время за ребёнком бессмысленно, иначе он не научится сам определять степень опасности. В каждом конкретном случае это поиск меры между инициативностью и самостоятельностью ребёнка и его безопасностью. И, как и всегда, достигается она до начала деятельности: когда взрослый осматривает детскую площадку и понимает, в каких местах можно удариться, упасть, порезаться — и в этих точках оказывается во время игры ближе к ребёнку, причём, так, что ребёнок на это и внимания не обращает.

М.Ю.: Этап социально-эмоциональной сферы. Социальное и эмоциональное развитие ребёнка помогает детям понять, кто они такие, что они чувствуют и как взаимодействовать с другими. Социальное и эмоциональное здоровье дошкольников помогает детям формировать позитивные взаимоотношения, а также управлять своими эмоциями и выражать их в самых разных ситуациях. Что родителю важно знать в контексте общения с ребёнком в «поле» эмоций? Не кричать, сто раз объяснять, посещать все детские площадки и кружки (для социализации)?

Понятно, что кричит родитель обычно от бессилия.

Но, как я только что сказал, во всех ситуациях, если мы хотим, чтобы что-то получалось хорошо, действовать надо до того, как может возникнуть проблема.

Семья собирается в театр кукол. А ребёнок долго натягивает рейтузы. Мало того: уже надел, а потом быстро стянул — оказывается, где-то что-то трётся. И помощь не принимает — сам хочет справиться! Родители понукают его: быстрее! быстрее! Потом сами начинают в четыре руки помогать, а чадо отбивается, стремясь к самостоятельности. Да и он же чувствует, что тут трёт, а взрослые же не понимают! Крик, ор, скандал. И ведь нельзя не торопиться — театр поджимает.

А почему театр поджимает? Потому что мы решили начать одеваться за час пятнадцать до начала. А Вы впервые одеваете ребёнка? Вы не догадываетесь, что это не процесс облачения робота? А ведь он ещё и в туалет неожиданно может захотеть? Ну так начните одевать за час тридцать. А если раньше выйдете, то лишний раз с горки пусть скатится возле дома или в театральном музее возле кукол сфотографируется. (Да, в седьмой раз! Но у Вас же не плёночный фотоаппарат, где каждый кадр на счету).

Дети за столом толкаются и мешают друг другу. Ну так посадите их так, чтобы они не соприкасались — разведите на разные края стола. Не в наказание за дебош — а до начала совместного процесса пищеварения. На столе пусть не будет лишних предметов (игрушек в

первую очередь, но и вообще всего неожиданного; а необходимое лежит рядом). Зовите есть, когда уже стол накрыт и тарелки полны, чтобы они не начали задираться от нечегонеделания.

Короче, любую проблему лучше всего решать до её возникновения. После тоже её можно решить (хотя это труднее); но беда ещё в том, что этот конфликтный опыт останется в ребёнке и в пространстве Вашего общения — навсегда.

И социализация — это не погружение ребёнка в хаотическую среду сверстников. Социализация — умение адаптироваться к новым нормам. Но для этого нужно сначала понимать, что нормы в принципе есть.

Вот какие у Вас в семье есть нормы? Не требования, которые произносятся многократно и потом не выполняются («Ложиться спать надо в девять!» — и каждый день он ложится то в десять, то в одиннадцать; «Выключи телевизор!» — сказали и пошли на кухню, а телевизор как пыхтел, так и пыхтит). Норма — это то, что нужно выполнить, можно выполнить и выполняется. Выполняется не потому, что орут и колотят, а потому что это норма. Если для маленького ребёнка ежевечерняя чистка зубов станет нормой, то он сам будет следить за взрослыми, чтобы они это делали.

Наличие норм дома — первый этап. А потом ребёнок должен увидеть, что в другой семье (или другом пространстве) есть иные нормы, не похожие, а иногда и противоположные (у Вас за столом не разговаривают, а в другой семье вечерняя встреча за трапезой — главное место общения). И это ситуация развития ребёнка, ситуация социализации: обсудить и понять, почему и наша норма и иная возможны; почему, если другие делают по-иному, это не означает ни их странности, ни нашей неправоты.

А если дома хаос, то погружение ребёнка в хаос двора добавит синяков и душевных травм, но не сформирует нормальных коммуникативных способностей.

М.Ю.: Вообще, тема социализации — камень преткновения у многих родителей. Те, кто не водят детей в детский сад, каждый день «получают» за это — ведь малыш совершенно не социализируется! Те, кто водят на кружки и секции, но тоже не водят в детский сад детей, также «получают», но меньше — социализация, конечно, есть, но её недостаточно! Что вы думаете про «социализацию» маленького ребёнка?

Открою секрет. Если учителю, взявшему в сентябре 1-й класс, не сказать, кто из первоклассников посещал детский сад, а кто нет, то он, даже пообщавшись с ними месяц, не сможет точно определить, кто из них четыре года к восьми утра сквозь снег и ветер брёл в близлежащее дошкольное учреждение, чтобы в кругу двадцати сверстников по команде есть тефтели и строиться на прогулку, а кто гулял с бабушкой на детской площадке, посещал кружок хореографии и лето проводил у тёти в деревне с двоюродными сёстрами и домашней птицей. Точность угадывания будет пятьдесят на пятьдесят. Прошедший школу социализации в группе детского сада может быть замкнутым и забитым, может быть буйным и неподчиняющимся; лишённый счастья коллективного дошкольного воспитания может флегматично царапать парту, а может весело ухахатываться с одноклассниками. Поэтому, когда родители, один из которых имеет возможность сидеть дома с детьми, отдают их в детский сад ради социализации, они не решают проблему.

Ещё и ещё раз: воспитание и социализация происходят в семье. Общайтесь с ребёнком сами, ходите в гости к друзьям — в том числе и тем, у кого есть дети; приглашайте их к себе; отпускайте на длительное время к старшим родственникам, если есть такая возможность — и обсуждайте с ребёнком, не торопясь и честно, возникающие проблемы в его общении с людьми. Ну, можно, в крайнем случае, и родить кого-нибудь дополнительно для пущей социализации всех.

А если в семье есть воспитание и социализация, то погружение в иную среду детского сада может помочь ребёнку.

М.Ю.: Когнитивный этап. Когнитивное развитие детей включает в себя все процессы, связанные с тем, как дети мыслят, понимают окружающий мир и ориентируются в нём. Основные этапы развития в когнитивной области включают математические и научные понятия, такие как количество, классификация, причина и следствие. Первые 5 лет формируют подход детей к обучению. Это когнитивное развитие включает в себя такие элементы, как любознательность, инициативу в поиске информации и адаптацию поведения в ответ на новые знания. На сегодняшний день существует масса «развивашек с пелёнок». Какое ваше отношение к тому, чтобы почти с первых дней жизни ребёнка, обложить его «учебниками» 0+, развивающими карточками, года в 3 начать заниматься с ним ментальной арифметикой и прочими «модными» «развивающими» активностями?

У психологического развития есть свои законы. Разумеется, их нельзя описать в коротком тексте. Но нужно понимать, что если что-то делать раньше, это не обязательно лучше.

Хорошо ли, если ребёнок научился читать в три с половиной года? Ничего дурного в этом нет. Мало того, у него появляются новые возможности. Значит ли это, что надо учить читать с трёх с половиной лет? Нет, конечно. Мало того, нет никакой гарантии, что выучившийся рано чтению станет потом заядлым книгочеем, а освоивший книжную премудрость после шести так и не проникнется в нужное время Писемским, Хайнлайном и Монтескьё.

С первых дней жизни нужно создавать у ребёнка уверенность в том, что окружающий мир добр и закономерен; что родители что-то требуют не потому, что сегодня именно так зачесалась левая пятка; что ничего опасного в поле его передвижения по полу квартиры нет, так как ближние позаботились об этом, и можно свободно исследовать окружающий мир, так как ножи убраны, лекарства спрятаны, ручки на дверцах шкафчиков временно отвинчены, на розетки надеты заглушки, а хрустальная ваза ближайший год без солнечных лучей прозябает в шкафу. Тогда ребёнок становится самостоятельным, инициативным и автономным: раз мир безопасен, раз я уверен в мире, то я могу пробовать, искать, экспериментировать, придумывать.

И ещё совет родителям: читая рекламу развивающих книг, кружков и игр, пробуйте оценить их так, как будто покупаете пылесос, зная, что Вам могут хотеть продать не обязательно некачественное, но, как минимум, Вам не особо нужное. Закупая курс ментальной арифметики, спросите себя: «А бывает ли не ментальная арифметика?» — и уточните в словаре, что значит слово «ментальная». Заказывая в интернет-магазине развивающую игру, представьте себя играющим в неё и подумайте, сколько минут Вы бы стали в неё играть. Обнаружив у друзей прекрасную книгу для развития всего у всех за три недели, вспомните, что даже на овладение простейшим способом завязывания шнурков у Вас ушло чуть дольше времени. После чего купите ребёнку на эти деньги мороженого, сядьте с ним на пол посреди комнаты, начните совместно сооружать из самых примитивных кубиков замок феи, пригласите человечков, которых сообща слепили из дешёвого пластилина, и начните там жить вместе с ребёнком. Это точно развивает. Его и Вас.

М.Ю.: Какие ваши советы, как с ребёнком до 5 лет нужно общаться, чтобы потом не было «травм с детства» (по крайней мере тех, что мы можем получить в возрасте до 5 лет)?

Давайте я расскажу о том, как выстраивать нормальное эмоциональное поле в общении с ребёнком, на одном развёрнутом примере.

Известно, что главная проблема в детском саду — дневной сон детей. Сколько криков и слёз, сколько конфликтов, сколько перегретых эмоций… Понятно, что дети не спят в саду,

в первую очередь, потому что они не спят днём дома. Как же родителям сделать так, чтобы ребёнок всегда спал днём без истерик и обид? Я не беру тех родителей, которых это вообще не волнует; речь о тех, кто хотел бы ребёнка днём уложить, но ребёнок спать не хочет.

Здесь есть две важные установки, которые нужно помнить. Первая. Для каждого дошкольника дневной сон естественен; его организм точно устаёт и хотел бы отдохнуть. (Речь именно о физиологии, а не о том, чтобы спросить у ребёнка, хочет ли он спать). То есть любой ребёнок может заснуть днём, и для него это органично. Так что нужно приложить усилия, понимая, что это и ребёнку требуется, и его организм — наш помощник. Установка вторая. Но в принципе, если что, ребёнок может и не поспать днём — с ним ничего фатального не произойдёт. Значит, я должен сделать всё, чтобы ребёнок заснул, и он заснёт в 9 случаях из 10, но, если не заснёт, это не трагедия.

А вот для того, чтобы он заснул, рецепт простой. Во-первых, никогда не говорить, что он должен спать; нет — мы просто полежим, а потом встанем. Во-вторых, нельзя, чтобы он бегал и орал, и вдруг неожиданно его спать поволокли. Нет, подготовка начинается заранее: убрали игрушки, легли, прочитали книжку, песню спели — то есть минут двадцать мы создаём медленное и тихое пространство. Разумеется, взрослый всё это время проводит с ребёнком (и это, кстати, и взрослому классно: представляете, сколько Вы перечитаете своих любимых детских книжек!). В-третьих, всё вокруг должно быть подготовлено: в кровати не валяются твёрдые предметы, которые могут неожиданно ткнуть в бок; свет погашен и занавески задёрнуты; исключена, насколько получится, возможность неожиданных звуков, которые могут разбудить засыпающего ребёнка (в театре мы же выключаем телефон — так и для своего ребёнка это сделать можно); из поля зрения изымаются все лишние предметы, которые могут подтолкнуть ребёнка к отвлечению от засыпания (игрушки убраны; мамина зажигалка и папин фен не окажутся неожиданно в поле зрения). И, в-четвёртых, подготовка ко сну должна быть обставлена традиционными, ритуальными действиями. Ребёнок закрывает шторы; бабушка, приоткрыв дверь, передаёт воздушный поцелуй; одеяло подтыкается с трёх сторон; говорится «спокойной ночи» зайчику и мормышке — у каждой семьи это своё индивидуальное. И ни в коем случае нельзя эти ритуалы увеличивать непосредственно в процессе подготовки ко сну («А ещё давай попрощаемся с куклой Мюзеттой…», «А на твой поцелуй я передам свой, а ты теперь опять мне, я же тебе передал…»).

И ребёнок заснёт за пятнадцать минут. А если не заснёт, то смотри установку номер два. Но он заснёт. (Кстати, Вы тоже, возможно, заснёте).

Дело в том, что эти простые правила помогают выстраивать нормальный эмоциональный фон в общении с ребёнком и в любой другой, более простой ситуации. Понимание реальности; отсутствие бессмысленного давления, когда понятно, что оно бесполезно; обустройство устойчивого обихода с правилами (ребёнку самому нравится следить за правилами!); неторопливость в принятии решений; готовность к изменениям.

И тогда в семье будет атмосфера доверия; и кричать не придётся.

Развод — как об этом сказать детям

М.Ю.: Для детей развод родителей может быть особенно печальным, напряжённым и запутанным временем. Есть ли возраст, в котором ребёнку «проще» воспринять развод родителей? Или, как говорится, всё сугубо индивидуально и зависит от психологического развития ребёнка?

Сам вопрос конструирует странную ситуацию. Получается, что родители хотят развестись, но думают, когда бы это сделать безболезненнее для ребёнка и пока терпят друг друга, задевая спинами в квартире.

Поэтому надо сначала определиться с самим отношением к разводу. Давайте будем помнить, что для ребёнка развод всегда будет болезненным; и это всегда ситуация длящаяся: то есть она не заканчивается с появлением новой отметки в паспорте родителей; это на всю жизнь.

Есть устоявшееся суждение, что конфликтная семья всё же хуже, чем проживание с одним из родителей после развода. Тут вспоминается фильм «Бэтмен навсегда», в котором главный злодей Загадочник в исполнении малоподражаемого Джима Керри, захвативший в заложники друга Бэтмена и его возлюбленную, предлагает освободить одного из них на выбор, и тогда второй спасётся, а иначе погибнут оба. Но Бэтмен не собирается выбирать: он понимает, что из двух зол не выбирают никогда — проиграешь в любом случае.

Так и мы должны понимать, что в случае развода ребёнок окажется проигравшим всегда. Поэтому действия наши должны быть, в первую очередь, направлены на то, как сохранить любовь в семье; и для этого нужно искать пути, ведь не совсем же случайно Вы выбрали именно этого человека, и не мог же он так фатально измениться за прожитые вместе годы — хоть что-то в нём осталось, за что можно зацепиться и возродить будущее.

Ну а если развод произошёл, и мы обсуждаем не гипотетический предстоящий разрыв, а уже случившееся настоящее, и хотим понять переживания ребёнка, то, конечно, тут сходится множество факторов. Это и упомянутый в вопросе возраст: маленький ребёнок может особо и не заметить выскользнувшего из поля жизни родителя, а взрослый ребёнок может давно уже понимать, что отношения мамы и папы клонятся к закату. Это и сложившиеся отношения с родителями: если отец его регулярно бьёт, то его исчезновение будет воспринято с облегчением; если матери мало интересны сын или дочь, то и тоска по ней будет, скорее, более «умственной», чем нарушающей реальный поток жизни. И очень важно, как устроится новая жизнь; какие появятся замены. Не замены в значении новых возлюбленных отца или матери, а замены в жизни, деятельности, занятиях самого ребёнка.

М.Ю.: Говорят (в целом, практика это доказывает), что дети и без развода чувствуют (видят), что в семье — между мамой и папой — отношения дали трещину. Так ли это?

Дети, конечно, чувствуют. Но они это могут воспринимать как нормальную ситуацию. У детей же небогатый опыт погружения в разные типы семейных отношений. Они просто не догадываются, что в другой семье не кричат, мама выходит в коридор встречать мужа с работы, папа расспрашивает маму о проблемах тёти Зины, родители играют с детьми в «Имаджинариум» и при этом при них не матерятся и т. п.

Но чувствуют эту трещину дети как раз тогда, когда в семье, в принципе, отношения были хорошими — тогда увеличение ссор и конфликтов бросается в глаза, и маленький ребёнок может просить папу не кричать на маму и наоборот.

М.Ю.: Многие браки сохраняют «ради детей». Можно ли сказать, что нет ничего хуже (фигурально), чем пытаться сохранить «хорошую мину при плохой игре» — то есть, делать вид, что семья есть, хотя её нет? Ведь нет-нет, да родители, которые уже давно не любят друг друга (а часто и ненавидят), будут срываться друг на друга, общаться сквозь зубы и т.д.?

Тут надо определиться с тем, что же такое «любовь». Для большинства любовь — это некоторое своё внутреннее переживание, возникающее спонтанно, необъяснимо, по независящим от нас причинам, и примерно так же исчезающее. Такая ситуация прекрасно описана в рассказе Ивана Тургенева «Андрей Колосов». Герой, именем которого назван рассказ, полюбил девушку, любовь оказалась взаимной — а герой справедливо вызывал восхищение у всех, кто с ним пересекался; возникли и вполне интимные отношения. А потом герой перестаёт ходить к девушке, которая ожидает, что вот-вот они вступят брак. Рассказчик, который сам в неё влюблён, идёт к Андрею Колосову и спрашивает, почему тот перестал встречаться с предполагаемой невестой. Андрей смотрит на него незамутнённым взглядом и говорит: «Разлюбил». А на возникшие фразы вроде того, что «как честный человек, ты должен…», он невозмутимо отвечает: «Я же не могу притворяться. Ты хочешь, чтобы я женился на ней, чтобы говорил ей, что люблю, когда этого нет?» И ведь не придраться, хотя мы и понимаем, что главный герой — мерзавец.

Но «любить» — глагол переходный; он не про себя; он всегда подразумевает, что есть кто-то другой, важный для тебя. Любить — хотеть максимального добра другому человеку. И для этого не нужно испытывать каждый раз дрожь в коленках, потение и учащение сердцебиения, когда его видишь. Поэтому, если любовь уходит, то нужно не «хорошую мину делать», а надо продолжать любить — делать другому добро, жалеть, понимать, искать способы этого понимания.

Ну а срываться друг на друга могут и те, кто безумно влюблён.

М.Ю.: Давайте обсудим, как поступать родителям при разных «сценариях» реакции ребёнка на развод. Например, ребёнок чувствует, что это из-за него родители разводятся, он чувствует себя виноватым. Что делать?

Такую ситуацию — чтобы ребёнок считал себя причиной развода — нельзя допускать никогда. Ребёнок из всех участников драмы точно самый пострадавший. Можно долго судить-рядить, муж ли довёл жену поздними возвращениями после кутежей в гараже или жена мужа бесконечными телефонными переговорами с подругами о правильности укладки волос — но ребёнок точно не виноват.

Можно описать ситуацию развода, который чреват минимальным ущербом для психики ребёнка.

Первое. Родители не выясняют отношений при ребёнке.

Второе. Отец всегда хорошо отзывается о матери, а мать — об отце.

Третья. Главный тезис, который разными словами разворачивается перед ребёнком: «Бывает, что у взрослых жизнь так складывается, и приходится жить раздельно; но я тебя очень люблю, и папа (мама) тоже очень любит».

Четвёртое. Ребёнок не должен почувствовать уменьшение внимания, и это касается, в первую очередь, уменьшения времени общения с ним и исчезновения привычных форм жизни — например, посещения по субботам привычной кафешки и т. п. — разумеется, в той степени, в которой это возможно.

И пятое. Никогда — никогда! — нельзя говорить ребёнку (а это встречается, увы, постоянно), что «папа оставил нас, потому что ты плохо себя вёл» или «ешь быстрее, а то мама сколько ругалась на твою медленную еду и не выдержала».

Но для того, чтобы так себя вести, надо любить ребёнка и даже немножко друг друга.

М.Ю.: А, если ребёнок — это подросток, который начал вести, скажем так, аморальный образ жизни — употреблять запрещённые вещества, прогуливать школу, огрызаться на всех и каждого — что делать?

А вот это не надо напрямую связывать с ситуацией развода. Наверное, читатели догадываются, что подростки курят? И — открою страшную тайну! — ещё и выпивают и даже живут интимной жизнью в сроки, не предусмотренные нормативными документами. И учиться тоже не хотят. Да, подросток может использовать ситуацию развода, чтобы легализовать запретное поведение и продемонстрировать его именно как вызов: вот вы как! а я вам за это напьюсь шипроколы и нанюхаюсь запахов дедушкиного сундука. Но это не причина, а повод. А причина как в самом возрасте, в котором необходимо самоутверждение, а продуктивные способы этого неизвестны, так и в предыдущей жизни и сложившихся отношениях в семье.

М.Ю.: Шок у ребёнка — как вообще преподносить такую новость, что родители разводятся, как помочь пережить эти первые дни или недели новых данных семейной жизни? Что можно говорить, а что не нужно?

Хотел бы уточнить одну деталь. Когда мы обсуждаем эту болезненную — очень болезненную — тему, мы исходим из простого допущения, что разводящиеся родители любят ребёнка и хотят, чтобы ему, несмотря ни на что, было лучше. Тогда и наши советы можно и обсуждать, и пробовать применить. Более сложная ситуация, когда этого хочет только один родитель. И вот тут нужно не уподобляться бывшему супругу, а всё равно думать о ребёнке. И, значит, не ругать при нём виноватого в разрыве отца (или мать); не искать в ребёнке справедливого судью, который уже сейчас определит, что правы именно Вы, или психотерапевта, на которого нужно вылить все свои переживания и претензии за все годы совместной жизни. С этим и взрослому трудно справиться, а мы хотим взвалить чужую ответственность на ребёнка! А справедливое отношение ребёнок с годами выработает. Правда, оно не всегда может оказаться в Вашу пользу.

М.Ю.: Если отбросить тяжёлые случаи, когда родители начинают судиться, с кем будет жить ребёнок, как с психологической точки зрения понять, с кем ребёнку «будет лучше» — остаётся ли жить ребёнок с мамой или папой?

Ребёнку хорошо жить с тем, кто его любит. И это может быть, конечно, любой из родителей, и никакой статистики, подтверждающей наличие особой материнской любви или отцовского чувства, нет. А лучше всего, когда его любят оба родителя, и тогда они найдут способ понять, где и с кем ему лучше будет жить и сколько проводить времени у кого.

М.Ю.: В семье несколько детей — один жизни не представляет без папы, другой — без мамы. Можно ли «разделять» детей при разводе?

О, ситуаций тут бесконечно. Ведь, когда мы говорим о детях, надо помнить, что у них есть и отношения между собой. И, конечно, хотелось бы, чтобы дети жили в атмосфере братской любви, но в семье может быть и конкуренция, и «дедовщина» и простое безразличие друг к другу. И возникшее «разделение» они могут даже воспринять с облегчением.

Помните фильм «Родная кровь», где за детьми после смерти их матери приезжает отец, который их давно бросил. И сколько бы главный герой — их отчим, который этих детей воспитал и очень их любит, ни хотел бы их оставить у себя, но подарки и велосипед, предложенный отцом, оказываются сильнее для одного из детей. И отчим — герой Евгения Матвеева — не устраивает ребёнку сцен; он создаёт ситуацию, чтобы каждый из детей смог сделать свой выбор.

М.Ю.: Как вообще на самих детях, которые между собой очень дружны, может сказаться развод родителей?

Если дети дружны, то, есть подозрение, в семье было много хорошего. А значит, им всегда будет легче, потому что дети оказываются поддержкой друг другу. И это выражается не столько в словах, сколько в том, что у них будет продолжаться общая жизнь и совместные дела, которые будут означать, что мир не рухнул, что в нём есть постоянное и стабильное.

Ну и к родителю (любому) они могут подходить, чтобы просто прилечь на плечо и помолчать.

М.Ю.: «А где папа?» Дети часто остаются жить с мамой, а папа постепенно «рассасывается». Как отвечать на вопрос, где папа, который перестал объявляться? Собственно, про маму вопрос такой же — бывает, что и мамы исчезают из поля зрения.

Конечно, этот вопрос не предполагает ссылки на некий конструктор фраз, из которого можно собрать ответы для детей на разные случаи жизни. Тут важнее понимать интонацию и атмосферу такого разговора.

Не нужно отвечать между делом; не нужно отмахиваться от детского вопроса; не надо говорить, что ты, мол, маленький, и тебе ещё рано знать.

Выберите время, когда Вам не нужно через пятнадцать минут убегать в парикмахерскую, а у ребёнка не начнутся через семь минут новые «Смешарики» на канале «Карусель». Присядьте вместе на Ваш самый уютный диван, включите торшер, обнимите его и начните неторопливый разговор. Как Вы догадываетесь, описанный антураж не является универсальным; возможно, у Вас другие представления об уюте: садовая скамейка, прогулка в парке, совместное качание на качелях… И разговаривайте с ним о жизни, о взрослом — сколько бы ему ни было лет. Не бойтесь, что он не поймёт — мы-то сами точно всё понимаем?

М.Ю.: Вообще, есть ли градация эмоционального «удара» (или стадии — шок, отторжение, принятие) от исчезновения мамы или папы после развода?

Да, конечно, можно описать некоторые среднестатистические стадии того, как разворачивается переживание. Но они обычно понятны и из так называемого здравого смысла: ну, конечно, любая боль становится менее острой; разумеется, то, что казалось невозможным, превращается в обыденность. Но, если мы думаем о ребёнке, то нужно не размышлять о том, как помочь пережить уже случившийся «удар», а о том, как до начала смягчить то, что Вы назвали шоком. Это не означает, что надо от рождения напевать ему песенку:

О, мой милый Ав-гус-тин, Ав-гус-тин, Ав-гус-тин!

Могут люди раз-вес-тись, раз-вес-тись, раз-вес-тись!

Но нужно растить в семье атмосферу доверия, нужно разговаривать с ребёнком обо всём — и об очень детском, и о совершенно взрослом; нужно не бояться вопросов ребёнка и тем более не бояться своих ответов. Только помните, что лучший ответ — это не всегда тот, который первым приходит в голову. Иногда правильнее сказать: «Знаешь, мне и самому пока непо-

нятно. Но бы будем думать и вместе найдём ответ». В том числе и про то, почему папа с мамой теперь не живут вместе.

М.Ю.: В чём можно постараться найти «опору» для ребёнка? Постоянно с ним разговаривать, занимать его досуг, холить, как говорится, и лелеять? Но это же тоже скорее всего перегиб?

Ну что Вы! Холить и лелеять ребёнка — это прямая обязанность родителей; а маленького надо ещё и в попу целовать! Потакать всем его причудам, разумеется, не надо. Абсолютно непродуктивно, когда после развода родители начинают неожиданно демонстративно уделять ребёнку принципиально больше заботы и внимания, тем самым пытаясь дискредитировать второго, который даёт ребёнку меньше. Всё это заваливание подарками и походами в зоопарк может привести только к тому, что ребёнок научится хорошо манипулировать родителями, и всегда находить, к кому обратиться в конкретный момент с нужной просьбой. Но это не укрепляет семью и не делает Вас нужнее; как только Вы перестанете быть источником удовлетворения его нужд, он про Вас забудет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.